

DOI 10.25991/VRHGA.2021.22.2.028

УДК 1(091)

*Г. Г. Филиппов**

КТО ВИНОВАТ?

Каждый год в средствах массовой коммуникации и в научной литературе повторно обсуждается вопрос о причинах разрушения Советского Союза и о том, и кто несет за это главную ответственность. Версии ответов множатся, но прямого ответа все избегают. Он печальный, обидный и неприятный. Основная ответственность лежит на главном массовидном социальном субъекте общества — советском народе. Именно он своим массовым сознанием и коллективным действием осуществил эту историческую катастрофу.

Ключевые слова: народ как социальная общность; историческая ответственность; социальная вина.

Filippov G. G.
WHO IS GUILTY?

Every year in the mass media and in the scientific literature the question of the reasons for the destruction of the Soviet Union and who bears the main responsibility for this is repeatedly discussed. Versions of answers multiply, but everyone avoids a direct answer. He is sad, offensive and unpleasant. The main responsibility lies with the main mass social subject of society — the Soviet people. It was the who, with his mass consciousness and collective action, brought about this historical catastrophe.

Keywords: people as social community; historical responsibility; social guilt.

Регулярно к памятным датам календаря вновь начинается обсуждение давнишнего вопроса — почему произошло крушение такой большой страны, как Советский Союз, и кто несет за это ответственность. Поиски виновных продолжаются и в научной литературе, и в художественной, и в публицистике, и в беллетристике. К прежним заезженным версиям прибавляются новые

* Филиппов Герман Григорьевич, профессор, доктор философских наук, профессор кафедры журналистики и медиакоммуникаций Северо-Западного института управления РАНХиГС; filippov156@yandex.ru

или подновленные старые, от скрытно конспирологических до конкретно технологических.

Вопрос не праздный и не утративший актуальность. Российскому народу живется трудно, а хочется жить хорошо, и желательно — лучше. Но что и кто мешает? Нужен удовлетворяющий ответ на старый вопрос русской философии и художественной литературы: кто виноват?

Винить отдельных руководящих личностей за промахи и глупости в управлении, уличать властные органы в политических просчетах и преступных ошибках, клеймить правящие слои за непрофессионализм и аморализм утомилась политологи и политики. А читателям официальной и желтой прессы, телезрителям бесконечных политических шоу и множеству смартфонопотребителей все это надоело.

Даже привлечение личных высказываний, мнений и оценок ключевых политических деятелей прошлого не проясняет ответа. Повторяющиеся признания М. С. Горбачева в том, что он с самого начала своей партийно-политической карьеры хотел ниспровергнуть коммунистическую идеологию и разрушить тоталитарное советское государство, не производят убедительного впечатления — не по росту этой политической фигуре свершить подобное историческое деяние.

Точно так же новые неожиданные повороты этой темы не слишком увлекают. Например, поиск прошлых трагедий и сегодняшних бед в жизнедеятельности советской номенклатуры [5]. Прочная отрицательная эмоция от этого понятия сразу должна располагать читателя к сочувственному восприятию вины советской номенклатуры. Особенно если для убедительности к тексту прилагается меню кремлевской или обкомовской столовой.

Правда, рисунок грандиозной роли номенклатуры блекнет от неупомянутых исторических мелочей — например, того, что меню этих столовых в горбачевские времена было куда беднее прежних времен и разбавлялось обязательным еженедельным «рыбным днем», отнюдь не осетровым и не лососевым, только из запасов минтая и бельдюги. Так что лакомой пищевой приманки в ряды номенклатуры уже не было. Да и значимость номенклатуры меркнет по социально-политическому влиянию: один миллион на весь Советский Союз в сравнении с 2 миллионами в постсоветской России.

Односложного ответа на поставленный вопрос быть не может. Тут надо придерживаться схемы ответов на подобные вопросы из юридической практики а именно:

- совершенное деяние, рассматриваемое как преступное событие;
- фигуранты деяния (организаторы и исполнители);
- содержание действий, составивших это событие (состав, технология действий);
- мотивация состоявшихся действий;
- квалификация, т. е. оценка ответственности за совершенное действие.

Во всех социологических опросах распад Советского Союза оценивается большинством населения России как историческая трагедия и общественная катастрофа. Обстоятельства и причины крушения Советского Союза обсуждались и будут обсуждаться в научной и в художественной литературе, хотя

сейчас в нынешних концепциях преобладает уклон в «авторские прочтения» истории в координатах «новой нормальности». Однако к суровым прозаическим объяснениям толкают отдельные социологические опросы, в которых случайно или по неосторожности сопрягаются два фундаментальных аспекта: хотели бы вы жить в советскую эпоху и готовы ли вы практически что-то сделать, чтобы вернуть тот привлекательный для вас мир (опросы Левада-Центра 2020 г.). Характерно, что в 90-е гг. на второй вопрос положительно отвечали 35–40% населения [3; 2].

Примечательно, что в ответах обнаруживается странное, на первый взгляд, амбивалентное расхождение: на первый вопрос положительно отвечает подавляющее большинство, а на второй — малое меньшинство. Если судить по канонам бытовой логики, то почему бы не вернуться в прежнюю семью, где, оказывается, жилось лучше, и приложить для этого какие-то усилия? Но логика здравого смысла не подходит для ответственных социальных решений. Вернуться в прежнюю семью можно по разным причинам и многим обстоятельствам, не занимаясь разборками своих и чужих ошибок и степени вины участников.

Но когда вопрос стоит на общественном, публичном уровне, первый и главный ответ, без которого дальше разбираться нет смысла, — на вопрос, кто виноват, чья вина основная. Тем более, что в механизме общества нет редуктора, который позволяет одним нажатием рычага дать задний ход и вернуться в прежнее положение.

И по массовым мнениям, и по научным исследованиям, и по умолчанию распад великой страны не мог произойти случайно, по злой воле отдельных лиц или организаций, по умозрительным основаниям (типа всем империям суждено разваливаться). Надо признать, что данное историческое событие имело объективные основания, закономерности и действующих лиц — как первого и заднего плана, так и теневые фигуры.

Но этот сюжет требует специальных исследований, комплексных научных изысканий и не может быть рассмотрен в рамках отдельной статьи. Здесь имеет смысл рассмотреть методологию поиска конкретных ответов по данному историческому событию.

Итак, каков состав действующих лиц — социальных субъектов или факторов, осуществивших в той или иной роли данное историческое событие?

Длинная череда подобных исторических событий свидетельствует, что отдельные организаторы с выдающимися способностями и даже крупные по численности социальные организации не в силах разрушить могучий общественный организм, так же как и создать новый в противовес старому.

Дворцовые перевороты (как и «цветные» революции), которых большое изобилие в человеческой истории, не меняют принципиально основу и структуру общественного устройства, а меняют лишь основу и структуру построения алчных действующих лиц вокруг обильной кормушки.

Даже если какой-либо выдающийся организатор создает достаточно многочисленную организацию для проведения важных общественных преобразований, прогрессивных или популистских, и сам встает во главе ее, то и тогда цель и сама организация исчезают с общественного поприща

с уходом (кончиной, утратой силы или предательством) главы и руководства организации. Остается название события истории по имени организатора, потенциально претендовавшего на изменение хода исторического процесса (Луи Блан, Робеспьер, Тихомиров, Троцкий и т. д.).

Точно так же не удаются общественные изменения с помощью создания ячеек нового общественного строя в рамках прежнего устоявшегося порядка. Практика создания и деятельности фаланстеров, созданных героическими усилиями социалистов-утопистов, завершилась безрезультатно. В фаланстерах воспитывались дети до 16 лет в духе социалистической идеологии и морали на достаточной материальной базе преподавателями-социалистами. После 16 лет они выходили в самостоятельную жизнь. Предполагалось, что они понесут социалистические идеалы в существующее буржуазное общество. Но статистика показала обратный результат: 80% выпускников не выдержали столкновения с капиталистической реальностью конца XIX в. и стали жить и работать по нормам и канонам буржуазного общества. Только 10% выпускников остались верны социалистическим идеалам, пополнив ряды функционеров социал-демократических партий и слои деклассированных элементов. Остальные 10% покончили жизнь самоубийством не силах вынести антагонизма своих убеждений с буржуазной действительностью.

Который раз подтверждалось, что реальные условия бытия массы населения сильнее всех благородных усилий воспитателей-организаторов. Классическая модель такого социального эксперимента была проиграна (в прямом и переносном смысле) на истории образования, существования и разрушения коммунистического государства иезуитов в XVII–XVIII вв. на территории Парагвая, среди диких племен индейцев гуарани, с населением около одного миллиона человек.

Это государство было организовано двумястами миссионерами-иезуитами и просуществовало 70 с лишним лет, пока папа римский не запретил этот орден и не повелел всем иезуитам уйти с территории Парагвая. Устройство, правила жизни, организация и достижения этого государства детально описаны российским историком В. В. Святловским [7].

Миссионеры-организаторы не просто ушли, бросив на произвол судьбы своих подопечных. Они оставили созданное общество с экономикой и техникой тогдашнего европейского уровня, население с высоким уровнем жизни и несколькими сотнями подготовленных управленцев. Но уже через год после их ухода на месте цивилизованных поселений с многочисленными католическими храмами процветали джунгли с первобытными нравами.

В. В. Святловский объясняет это исчезновением механизма удержания социального устройства былого общества. Отцы иезуиты построили его на двух непререкаемых принципах: 1) ежедневно ходить в христианский храм на богослужение; 2) не сметь уходить с территории государства в джунгли даже на короткое время. За нарушение этих принципов полагалось неотвратимое жестокое наказание.

А массового осознания и сознания необходимости этих правил не сложилось, они не поддерживались прежними властными органами — и всё развалилось.

В практике публичного управления и в философской теории политики давно стало ясно, что в общественной жизни решающие исторические действия производят массовидные социальные субъекты. А мимолетные и шумливые деяния толпы и кукольных фрондеров не делают даже дворцовых переворотов, разве что искривляют на время физиономию отдельных исторических событий. Массовидные же социальные субъекты — это большие организованные политические партии, крупные социальные слои социальной структуры общества, зрелые социальные классы, крупные этнические или религиозные общности и забытые в социальных расчетах и раскладах самые многочисленные и влиятельные социальные субъекты — целые народы. Именно они задают направление грядущих магистральных изменений в обществе, и, стало быть, на них ложится основная ответственность за поддержку неправильных решений, за масштабные общественные ошибки, за реализацию преступных массовых действий.

Только народные массы — это не сплошная однородная масса населения, не арифметическая сумма электоральных единиц, имеющих одинаковый вес, равное влияние, схожие социальные и экономические возможности. Народ внутренне структурирован формально и неформально по объективным характеристикам и показателям. Поэтому какое-то среднеарифметическое единство мнений, оценок, мотиваций и действий достигается организаторскими усилиями отдельных социальных групп (политических партий, правящих или теневых элит, религиозных объединений и церковных орденов, общественных движений разного типа и направленности и т. п.).

В рамках народа всегда имеется конкретная социальная структура, состоящая из специфических социальных подсистем — социальных слоев: социально-профессиональная, социально-этническая, социально-культурная и пр. Она может быть инициатором возможных общественных изменений, проектировщиком намечаемых закономерных тенденций. Но будет ли осуществлена намеченная линия и цель, зависит от деятельности самой массовидной силы общества — народа.

Именно на него и ложится основная ответственность за будущее. Все остальные социальные субъекты — участники подготовки и осуществления намечаемого проекта — несут долю ответственности в соответствии с достигнутыми достижениями или тяжестью совершенных ошибочных деяний.

Юридически это формулируется как историческая вина такого-то народа. Прилагательных к конкретному определению соответствующего народа набирается в XX и XXI вв. немало. Неоспоримый пример, к тому же типичный по механизму, — Германия 30–40-х гг. XX в. Сюда же примыкают Испания и Португалия. Не случайно в послевоенные годы Организация Объединенных Наций объявила полный бойкот Испании — политический, экономический, культурный и пр. И все страны прекратили с ней дипломатические отношения, кроме одной, так сказать, страны — Ватикана. Стоить упомянуть и о четырехлетней войне Франции в Алжире (1950–1954), который стремился освободиться от колониальной зависимости, Зверские формы борьбы практиковала французская армия не только силами Иностранного Легиона (5000 бывших эсесовцев), но вся оккупационная армия (400 тысяч человек) из молодых

французских молодых людей, которые до призыва участвовали в антивоенных акциях и движениях, поскольку память о фашистской оккупации (например, о показательном сожжении деревни Орадур вместе со всеми жителями) была еще свежа во французском народе, особенно в культурно-философской интеллигенции (А. Камю, Ж.-П. Сартр).

И в XXI в. примеров всенародных ошибок, по здравому рассуждению малопонятных, предостаточно. Взять, к примеру, Ливию. В стране был высокий уровень жизни, уровень социального обеспечения населения был выше, чем в странах «золотого миллиарда» (бесплатная медицина, бесплатное образование, в т. ч. за рубежом, высокие пенсии, дешевые коммунальные услуги, стоимость бензина конкурировала со стоимостью газированной воды и т. д.). Но народ поддержал кровавое и зверское свержение режима Каддафи и переход благоденствующей страны в режим разрухи и неумной гражданской войны всех социальных субъектов между собой.

Этот неполный перечень общенародных ошибочных выборов (схожая картина характерна и для недавней истории стран Латинской Америки) позволяет исключить из объективных причин катастрофических провалов целых стран психологические и личностные основания. Тут не подойдет объяснение по Достоевскому, согласно которому в разгар всеобщего благоденствия непременно появляется субъект с неблагородной физиономией и призывает отвергнуть и разрушить все это благолепие и вернуться в зверообразное бытие («Записки из подполья»).

Тем не менее в научной литературе и в многочисленных публицистических изданиях сохраняется и даже растет тенденция субъективистского (личностного, психологического, идеологизированного, абстрактно умозрительного) объяснения ответственности и соответственно вины различных социальных субъектов за совершение ошибочных и преступных массовых действий или участие в них. Это касается прежде всего теоретического объяснения исторической вины немецкого народа в фашистский период его истории.

На фоне испуганного интереса к роли интернетных сетевых коммуникаций возрождается концепция обманной роли социально-политической роли геббельсовской пропаганды. Споры нет, фашистская пропагандистская машина была устроена как технически слаженная инженерная система и работала эффективно [4]. Но как объяснить, что она сумела обмануть и направить на преступный путь почти 80 миллионов немцев, из которых более 73% были по возрасту избирателями? [4, с. 167–168]. А. А. Галкин объясняет это так:

В целом эффективность нацистской пропаганды зависела от трех условий. Первым из них был достаточно низкий уровень политического и интеллектуального развития значительной части населения. Вторым — большая или меньшая монополия в области информации. Третьим — подкреплением пропаганды пусть незначительными, но успехами политики, защите которой она служила [7, с. 348].

Однако концепция великого обмана неотесанного населения изрядно расходится с теми материальными возможностями, которые фашизм предоставил населению Германии: бесплатные квартиры для рабочих и летний отдых для школьников, ликвидация безработицы, уголовной преступности, безбилет-

ного проезда на транспорте, строительство заводов для выпуска дешевых народных автомобилей и т. д. Для населения были созданы большие возможности социального продвижения. За первые шесть лет фашистского режима социальная мобильность населения (т. е. «социальный лифт») выросла в два раза по сравнению с прошлыми шестью годами [6, с. 131].

Словом, мотивация ростом материального благосостояния оказывает на массы населения куда большее воздействие, чем пропагандистская обработка. В Германии в те времена бесплатно трудились десятки тысяч угнанных из СССР мужчин и женщин, т. е. фактически рабов, за одну кормежку. Трудились и на заводах и в сельском хозяйстве. И население не могло этого не знать. Военнослужащие с фронта периодически присылали домой в семьи награбленное с оккупированных земель. И это тоже не было тайной для населения. Так что историческая вина не обошла массы.

Квалификация ответственности и вины главного субъекта истории подразделяется формально на юридическую, моральную, политическую и материальную (экономическую), что требует специальных исследований и расследований с соблюдением временной дистанции для приемлемой объективности.

Изложенные выше методологические подходы приложимы и к вопросу распада Советского Союза и судьбы его населения.

Крушение Советского Союза и нынешние стенания населения нет смысла объяснять злокозненностью отдельных личностей. Мол, огромные слои населения увлеклись обманными надеждами на безмятежное пассивное будущее, совратились ослепительно розовыми обещаниями («вы смотрите дома телевизор, а ваши деньги работают»), увлеклись зарубежным рекламным благодеянием и побежали, «задрал штаны», за знаменосцем демократии с «человеческим лицом».

Конечно, все эти посулы сыграли какую-то роль приманки. Но главное в другом. Масса населения охотно пошла по магистральному пути энтропии, милой духу и телу человека и любого социального субъекта. Ведь труд тяжел и утомителен, как известно с библейских заповедей. А поток энтропии несет сам собой — созерцай и радуйся. Тем более, если создаются подходящие условия.

Самый образованный в мире рабочий класс, стопроцентно грамотный, десятилетиями просвещавшийся в сети политэкономического воспитания, услышал от «красных директоров», что обновление основных фондов предприятия подождет год-другой, а сейчас эти средства надо бросить на небывалое повышение зарплаты, чтобы каждый, (каждый!) скопил за год на покупку автомобиля. А конкуренция производимой продукции подождет. Это там, на Западе, она фетиш, а у нас — гуманный моральный кодекс.

Затем появилась новая приманка: разрешение создавать хозрасчетные коллективы и использовать бесплатно помещения и оборудование государственных предприятий. Приказом министра внутренних дел (по указанию сверху) был дан запрет контролировать бухгалтерскую отчетность хозрасчетных коллективов. Ну а вскоре появилось право приватизировать хозрасчетным коллективам собственность (здания, оборудование, объекты инфраструктуры). Фоном стало гениальное изобретение С. Мавроди в виде финансовых пирамид, которое стало всенародным хобби. Массы людей во многих городах стояли ночами

в очередях, чтобы сдать свои деньги и через неделю опять стоять в очередях в надежде получить стопроцентный барыш.

Опять-таки это были люди образованные, взрослые, которые учились в школе или в вузах, которых там учили, что из ничего не создается что-то, что деньги сами по себе из ничего новые деньги не производят. Ажиотаж был всенародный. Даже в Москве на станциях метро светились загадочные лозунги Мавроди: «Из тени в свет перелетая». С иллюстрациями в виде бабочек.

Общенародное увлечение завершилось официальным обещанием дать за каждый ваучер целую «Волгу».

Но главное событие было экономическое. В горбачевские годы правления экономическое положение населения постоянно ухудшалось. Заводы, фабрики и колхозы работали, однако все с меньшей производительностью труда. По официальным данным, в промышленности производительность труда была в 4 раза ниже американской, а в сельском хозяйстве — в 10 раз. Шефская бесплатная помощь не спасала положение.

Косноязычные разговоры Горбачева о стимулировании и расширении научно-технического прогресса не привели даже к проведению разрекламированного многократно пленуму ЦК КПСС по развитию научно-технического прогресса. Решения по повышению уровня экономического благосостояния населения оставались неисполненными. Уровень заработной платы не повышался. Хотя цены на товары не росли, многие товары, особенно продовольственные, становились дефицитными и все менее доступными для многих слоев общества.

Суматошные реформы под сакральными девизами «перестройка» и «новое мышление» неуклонно разрушали систему управления экономикой и целые отрасли экономики вроде винодельческой и виноградной.

Для какого-то паллиативного исправления зияющих прорех создавались аварийные «точечные» запреты, вроде уголовного наказания за самогонварение, за хранение самогонного аппарата, за занятия карате как видом спорта, да и за хранение литературы по обучению карате (даже на иностранных языках).

Все эти новации перестройки рождали потоки издевательских анекдотов и массовое озлобление населения.

Ну, как тут было не броситься вдогонку за лидером, который обещал открыть лицо подлинно демократического общества.

Побежали, но лица не увидели, а только оборотную сторону фигуры, да еще в голом виде. И это все люди, которые массово бегали на митинги, демонстрации и прочие народные мероприятия, свергали прежних кумиров, голосовали за разукрашенные надежды. Это люди ныне зрелого, предпенсионного и пенсионного возраста, которые стенают и жалуются на трудную жизнь. Пенсия маленькая для нормальной жизни; «Жигули» стали ремонтнепригодными, но ездить приходится, потому что больше не на чем; дачный домик одряхлел и разваливается; на дачной ферме горбатиться больше нет сил; молодое поколение и ездить туда не хочет, лучше все выращиваемое купить в магазине, хоть и невкусно, но без хлопот.

Болезни одолевают и отвлекают последние деньги. А государство и общество не вмешивают в должной мере стенающим и жалобным воплям старшего

поколения. Массы борцов-энтузиастов за повальную демократию утратили былую пассионарность и погрузились в брюзгливое равнодушие, получив в ответ от молодого поколения «насмешку горькую обманутого сына»...

Согласно диалектике Г. Гегеля (закон отрицания отрицания), пассионарность, т. е. утраченная активность старшего поколения, возродится в третьем поколении, в поколении внуков. А до этого что должны делать радители за народное счастье, то бишь пламенно говорящая оппозиция? «Совершать принципиальные поступки с символическим смыслом. Чем запомнился народу Примаков? Не ростом экономики, а разворотом самолета над Атлантикой на пути в США — в знак протеста против бомбардировок Югославии» [1].

А до этого вина за потерянное и утраченное, но невозвратимое лежит в основном массовидном социальном субъекте общества. А жалость и сочувствие остаются делом сугубо личностным и факультативным, делом плакальщиц и плакальщиков из средств массовой информации [2].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бацанов.С. Работа над ошибками. Выбор цели // Советская Россия. — 2021. — 11 февраля. — С. 3.
2. Бестужев-Лада И. В. В преддверии Страшного Суда, или Избежим ли предреченного Апокалипсиса? — М.; ФОН, 1996.
3. Бестужев-Лада И. В. Россия в XX–XXI веках: 1917–2017. Трижды от колосса к коллапсу и обратно. — М.: Международная Академия исследования будущего, 2007.
4. Галкин А. А. Германский фашизм. — М.: Наука, 1989.
5. Новокрещенов А. В. Номенклатура как кадровая технология и механизм государственного управления (по поводу статьи Ю. А. Нисневича в Социсе № 8 за 2018 год) // Социс. — 2020. — № 1.
6. Пленков О. Ю. Государство и общество в Третьем рейхе. Реальность диктатуры. — СПб.: Владимир Даль, 2017.
7. Святловский В. В. Коммунистическое государство иезуитов в Парагвае в XVII и XVIII столетиях. — Пг.: Путь к знанию, 1924.